

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш 65

Издательство выражает благодарность
Алексею Нешину
за предоставленное фото на обложку.

Шишкин, Олег Анатольевич.
Ш65 Биография Воланда/ Олег Шишкин. — Москва: Изда-
тельство АСТ, 2019.— 304 с. — (Загадки истории с Олегом
Шишкиным).
ISBN 978-5-17-114175-2

«Биография Воланда» — новое расследование судьбы героев романа «Мастера и Маргариты», основанное на неожиданных открытиях архивных документов и буквально вскрывающее шифры и ребусы Михаила Булгакова.

Эти игры писателя были тайными посланиями в будущее, и Олег Шишкин — первый, кому удалось их прочитать.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114175-2

© Текст. Олег Шишкин, 2019
© А. Нешин, фото автора на обложке,
2019
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2019

*Памяти Андрея Леонидовича Никитина,
с благодарностью к тонким наблюдениям
и пониманию темы.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

1.

В русских эпических сказках, полных жестоких и неожиданных поворотов, главной приманкой был яйцеобразный футляр с иглой Кошечья. За ним уходили неустрашимые герои. Они претерпевали испытания и бросались в битвы, они готовы были даже на самопожертвование, ведь этот таинственный предмет открывал свободу сказочной красавице.

Традиция воссоздания мрачных фантомов, химер и недобрых колдунов, властвующих над миром, не осталась только лишь в сказаниях и народном лубке. Она переместилась в книги, ставшие проводниками опыта и средствами для изменения души.

Русская литература, начиная с Гоголя, населяла миры уже модернизированными пугающими фантомами, Видами, начальниками гномов, грозными адскими силами, которые не столько смертельно пугали, сколько

хранили тайну своих прототипов или обстоятельств, их породивших.

«Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова — одно из самых таинственных и одновременно самых читаемых произведений советской литературы. На протяжении десятилетий оно остается своеобразным закрытым посланием. Несмотря на отказ автора от разговоров о прототипах и намеках, в действительности он такие намеки допускал, как только ввел в свою историю Князя мира сего, ставшего довольно популярным персонажем, и сопровождал его яркой и неслучайной свитой. В любом случае, даже если поверить авторским клятвам, Воланд, конечно же, был потомком гетевского Мефистофеля. Но разве только его? И разве контексты Гуно, Вагнера и Берлиоза были забыты автором, который явно был поклонником великой европейской музыки?

Это книга о тайне Воланда и Булгакова, который сам длительное время считался закрытой фигурой, опальным интеллигентским фрондером, которому удалось выжить в эпоху Сталина и уйти от многих потрясений, похоронив вместе с собой и свое особое послание.

Появление его инвективы пришлось только на начало лапидарных времен Брежнева, и потому самый мистический роман советской эпохи воспринимался исключительно как литературный текст, а не как карта Бен Ганна, которой требовалась расшифровка, иначе поиск сокровищ стал бы бессмыслен.

Сундук изобретательного чародея, приехавшего в Москву «из города Киева, из логова Виева», продолжает и сегодня хранить свои тайны, делая их притягательными, похожими на мудреные комбинации в цифровом замке сейфа.

При этом последний роман Булгакова для позднесоветского интеллигента стал особым этическим и нравственным ориентиром. Он был сродни тем темам, которые было принято обсуждать негласно и хранить на кухне.

Моя книга не касается тем, затронутых в работах Мариэты Чудаковой еще в 1976 году, упоминавшей и «Историю сношений человека с дьяволом» М. А. Орлова, и статьи энциклопедии Брокгауза и Ефрона, посвященные потустороннему миру и различным деятелям этого пространства.

Она также обходит работы, издававшиеся как в СССР, России, так и за рубежом, хотя и близкие по контексту, но далекие по методам действия.¹

¹ Milne L. *The Master and Margarita: A comedy of victory*. Birmingham, 1977, p. 50; Фиалкова Л. Л. К генеалогии романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, С. 532–537, Rzhevsky L. *Pilate's sin: Cryptography in Bulgakov's novel «The Master and Margarita»*. Canadian Slavonic Papers, Ottawa, 1971, vol. 13, 1, p. 15–10; Бэлза И. Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст-1978. С. 175–185; Утехин Н. П. «Мастер и Маргарита» М. Булгакова: Об источниках действительных и мнимых // Рус. лит. 1979. № 4. С. 97–102.

Писатель, неблизкий советской власти, но, по правде сказать, получавший от нее не только пинки, но и некоторые привилегии и блага низовой номенклатуры, Булгаков был хорошо известен и безусловно имел репутацию писателя почти антисоветского. Кто-то даже видел в сарказме его профессора Преображенского сарказм и самого Булгакова.

2.

В 1980 году, будучи еще студентом театрального училища имени Щукина, я стоял на очереди в нашей институтской библиотеке, чтобы прочесть роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Тогда вокруг него кипели страсти. Сам текст был завораживающим. Многослойным его делали не только авторские комментарии, но и неожиданные персонажи.

По прошествии почти тридцати лет я, вновь взяв в руки книгу и перечитав текст, с удивлением обнаружил, что я знаю прототипов романа, понимаю мотивации и очевидные мне знаки, которыми отмечены тропы текста.

Задыхаясь от своих открытий, я пустился в литературные и исторические штудии, окунулся в архивные тайны, к которым имею страсть. И, собственно, теперь, побывав за дверями булгаковского бестиария, или, точнее, криптохранилища, — ибо крипта, как сказал один мой знакомый, это основа всего, в переводе с греческого означает тайник или крытый подземный ход, — я рискую сообщить, что мне открылось.

В первоначальной версии роман Булгакова должен был называться «Князь тьмы». А в другом варианте — «Евангелие от Воланда». Очевидно, что этот персонаж и держит в своих руках ключи от всех дверей и имеет склонность быть невероятно живым. Запоминающийся образ долгие годы считался выдумкой. Потом появились различные версии о том, кто был прототипом этого персонажа. Однако только сейчас возможно сказать, что помимо прототипа общекультурного, что весьма важно, у Воланда был прототип реальный. Как, впрочем, и у тех, кто его окружал и противостоял. А те события, что иной раз кажутся фантастическими, в действительности были, и только авторская фантазия схоронила их под толщей эвфемизмов и наслоений.

3.

Так как эта книга является своего рода комментарием к «Мастеру и Маргарите», то мы будем иногда обращаться к сюжету романа в формате либретто, пересказывая известное вкратце, ибо это не противоречит моему повествованию.

Найдутся те, кто оспорит все ниженаписанное. Ну что ж, одни книги пишутся для распространения знания или для услаждения глаза, другие — для разжигания споров. «Биография Воланда» принадлежит к последним.

И самое важное, кто же он — Воланд, из каких частей реальности скроен и с кого был сделан сей слепок?

Вот что пишет Мариэтта Чудакова: «Булгаков стремился вернуть слушателей к утраченной ими непосредственности восприятия как предварительному условию его полноты. Он хотел повернуть внимание слушателей (читателей как таковых не было — ибо *читать* роман Булгаков, кажется, в это время не давал никому) вглубь романа. Приведем слова Булгакова, запомнившиеся Ермолинскому: „...У Воланда никаких прототипов нет. Очень прошу тебя, имей это в виду“».

Это утверждение приходит к нам не из документов Булгакова, а из воспоминания его знакомого. Возможно, эта фраза и была произнесена автором «Мастера и Маргариты», а возможно, она — следствие сознания вспоминать многое из того, что мы называем парамнезия. Субъективность высказывания знакомого очевидна, но главной очевидностью является ткань самого романа, которая и есть первая реальность по отношению ко всем остальным.

В этом случае лучше исследовать сам текст, прибегая к проверенным фактам и документам, сопоставляя и рассматривая неслучайные мемуарные совпадения, чтобы таким образом приблизиться к прототипу Воланда и других персонажей, которые, несомненно, были, как, впрочем, и тот персонаж, со спора о котором начинается книга Булгакова.

4.

Эта книга была закончена в Вальпургиеву ночь 2019 года.

Глава 1. Memoria et Monstrum¹

1.

«Невежды думают, что все рассказы о колдунах и чародеях, которые они слышат, невероятны. Безбожники и лжеученые не хотят признать то, что они видят, и, не зная причины того, что видят, отрицают виденное. А колдуны и чародеи смеются над ними по двум главным причинам: во-первых, чтобы отвести от себя подозрение, а во-вторых, чтобы обеспечить торжество царства Сатаны», — писал в 1580 году в «Демономании» Жан Боден.

Скрытность князя мира сего казалась в Средневековье аксиоматичной. Тогда были уверены: дьявол кроется в деталях, и из деталей он и состоит. Не тот, конечно, грубый пародийный черт, которому приписывают все людские искушения и провокации потустороннего мира,

¹ Монстр памяти.

герой лубочных картинок русского базара, а настоящий дьявол — который оживал, к примеру, в отдельных гипертрофированных чертах героев Достоевского. Однако наряду с этими многогранными персонажами, дьявольскими в своих проявлениях, на протяжении и XIX, и XX века существовал все же и лукавый провокатор: особенно этот герой выписывался в литературе и был своего рода предвестником приближающегося апокалипсиса, который казался очевидным для части русских интеллектуалов, не принявших революцию или считавших ее катастрофой.

Именно о таком злом гении и плодах его пришествия и была написана книга Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Ведь в первоначальной версии роман должен был называться «Князь тьмы». А в другом варианте даже «Евангелие от Воланда». Злокозненный персонаж является двигателем сюжета, он держит в своих руках ключи от всех поворотных дверей и имеет склонность быть невероятно живым. Более того, и Иешуа, и уж тем более ригорист Мастер уступают Воланду в яркости и динамизме. Не говоря уже о его очевидном мрачном красноречии, превосходящем любых других героев романа.

Автор порой и сам подозревался советской ортодоксальной критикой в том, что он посланец темных сил белого движения. Ему прямо говорили о том, что прорывалось в его «Беге», «Днях Турбиных».

Один из бесноватых столпов Российской ассоциации пролетарских писателей Владимир Киришин писал, что

в пьесах Булгакова «было продемонстрировано наступление буржуазного крыла драматургии».

Возможно, коллективные нападения в советской прессе и породили мрачноватое ощущение жизни и сарказм, которые отразились и в последнем романе автора? А может быть, именно они вели его гораздо глубже — к омуту забвенья, который был утешением в трудные часы жизни?

21 апреля 1929 года, накануне дня рождения Ленина и в преддверии Пасхи, журнал «Огонек» поместил на своей первой странице фотографию группы людей, столпившихся возле одного из последних открытых торговцев Библией и Евангелием. «Еще торгуют опиумом в СТРАНЕ СОВЕТОВ» — гласила надпись под снимком.

Ленин называл религию «родом духовной сивухи». Но еще чаще советские газеты и журналы вспоминали фразу Маркса: «Религия — опиум народа». Вот и Остап Бендер, обращаясь в «Двенадцати стульях» к отцу Федору, вопрошал: «Почем опиум для народа?»

Советская власть, часто цитировавшая этот афоризм в уличных лозунгах и эпитафиях к атеистическим статьям, считала, что впервые он был сформулирован классиком коммунистического будущего в работе «К критике гегелевской философии права» 1843 года, напечатанной в «Новой рейнской газете». Истина же, как часто это бывало с советскими пропагандистскими афоризмами, была с ними не в ладах и открывалась в далекой

от религии области. И высоколобым большевистским начетникам пришлось бы признать, что первая подобная метафора была придумана автором предельно жестких эротических романов — маркизом де Садам в его «Жюльетте, или успехах порока», книге, посвященной свободе секса, свингерству и различным формам половых удовольствий. Весь текст произведения де Сада наполнен торжествующим насилием и фантастическими оргиями.

Правда, под опиумом там подразумевалась не религия, а отношение к власти. Персонаж де Сада заключает: «Вы кормите народ опиумом, чтобы, одурманенный, он не чувствовал своих бед, виновником которых являетесь вы сами. Вот почему там, где вы царствуете, нет заведений, которые могли бы дать отечеству великих людей; знания не вознаграждаются, а коль скоро в мудрости нет ни чести, ни выгоды, никто не стремится к ней»².

Садистские художественные аллюзии вряд ли учитывались авторами антирелигиозной пропаганды. Но одно было очевидно: в стране, только что пережившей Мировую и Гражданскую войны, где было много увечий физических и душевных, тема такого «антидепрессанта», как опиум, была понятна и, вероятно, остра. Именно опиум и производный от него морфий становятся одними из тех веществ, которые активно потребляли тогда

² Маркиз де Сад. Жюльетта. Т. 2. М., 1992. С. 544.

не только склонные к такому «удовольствию» простолюдины и богема, но и даже профессиональные врачи.

«Из, по меньшей мере, десятка медицинских учреждений, в которых мне приходилось работать в годы войны и последнее время, я не помню ни одного, где я не сталкивался бы с морфинистами из числа персонала»³ — писал в своем исследовании Горовой-Шалтан.

Именно о таком печальном опыте повествует Булгаков в рассказе «Морфий» в номерах от 9, 17 и 23 декабря 1927 года в журнале «Медицинский работник». Описание наркомании, приводящееся там, носило очень живой характер и могло бы стать предупреждением и нападением. Истина заключалась в том, что автор имел представление об этом не на словах.

«Михаил был морфинистом, и иногда ночью после укола, который он делал себе сам, ему становилось плохо, он умирал, — писал в своих мемуарах муж сестры Булгакова Леонид Карум, — к утру он выздоравливал, однако чувствовал себя до вечера плохо. Но после обеда у него был прием, и жизнь восстанавливалась. Иногда же ночью его давили кошмары. Он вскакивал с постели и гнался за призраками. Может быть, отсюда и стал в своих произведениях смешивать реальную жизнь с фантастикой»⁴.

³ Горовой-Шалтан В. А. Морфинизм, его распространение и профилактика // Вопросы наркологии. Вып. 2. М., 1928. С. 48.

⁴ Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 64.

Упоминания об этих увлечениях и сейчас будоражат литературоведческую среду, а порой воспринимаются как гнусный навет на автора, который действительно дал для этого почву своим реалистическим воспроизведением быта и состояний наркомана в рассказе «Морфий». Булгаков так мастерски очертил описание наркотических ступеней, что не осталось никакого сомнения, что он сам прошел через это.

И эти подробности впечатляют: «Первая минута: ощущение прикосновения к шее. Это прикосновение становится теплым и расширяется. Во вторую минуту внезапно проходит холодная волна под ложечкой, а вслед за этим начинается необыкновенное прояснение мыслей и взрыв работоспособности. Абсолютно все неприятные ощущения прекращаются. Это высшая точка проявления духовной силы человека. И если б я не был испорчен медицинским образованием, я бы сказал, что нормально человек может работать только после укола морфием. В самом деле: куда, к черту, годится человек, если малейшая невралгика может выбить его совершенно из седла»!

Но наука вещь точная, и она часто исследует те самые детали дьявола, с которых начался наш разговор. В 2015 году итальянские и израильские химики решили проанализировать рукопись «Мастер и Маргарита» с точки зрения имеющих на ее страницах химических веществ и человеческих выделений. Были взяты самые разнообразные и доступные авторские страницы,

из архива в РГБ, из частных коллекций и тех чернови-ков, что были проданы во время аукциона «На Никитском» в 2014 году.

Надо сказать, что ученые и раньше обращали внимание на наркотический аспект в работах Булгакова. Вот, например, Виктория Тишлер, анализируя рассказ «Морфий», резюмирует свои впечатления в форме сугубого моралите:

«Нынешняя подготовка врачей — это прежде всего усвоение фактической информации в форме клинических знаний и навыков. Обучение работе с психоактивными веществами нуждается в усовершенствовании, в частности, в него нужно включить анализ проблемы «врач как пациент», и здесь важную роль может сыграть литература. Конечно, придется немало потрудиться, чтобы разрушить стереотипы скрытности и замалчивания, сложившиеся вокруг проблемы зависимости в медицинской профессии, и мотивировать студентов-медиков и врачей своевременно обращаться за помощью. Литература, написанная врачами, открывает прямой путь к этой деликатной теме, поскольку читателей в ней подкупает прежде всего достоверность, взгляд автора изнутри. «Морфий» Булгакова — отличный повод начать разговор о культурных, личностных и клинических проблемах, с которыми сталкивается врач-наркоман. Правильное использование дидактических материалов, таких, как этот рассказ, поможет предотвратить наркоманию